

История Японской православной церкви берет начало в середине XIX века, когда при содействии русского консула И. А. Гошкевича в 1859 году в Хакодате была построена консульская церковь Воскресения. Однако расцвет и наибольший успех православного миссионерства связан с деятельностью Русской духовной миссии в Японии (конец XIX — начало XX века) и непосредственно ее основателя и начальника — сначала архимандрита, а затем епископа и архиепископа Николая (Касаткина).

О. Николай (Иван Дмитриевич Касаткин) родился 1 августа 1836 года в Смоленской губернии, получил образование в Бельском духовном училище и Смоленской семинарии. В 1857 году Иван Касаткин, как один из лучших семинаристов, был направлен для обучения в Санкт-Петербургскую духовную академию. В 1860 году он окончил академию со степенью кандидата богословия. Стоит отметить, что отправиться в Японию для миссионерской деятельности было личным решением о. Николая, принятым после оповещения о вакансии в русском консульском храме в Хакодате.

24 июня 1860 года Иван Дмитриевич Касаткин был пострижен в монахи с именем «Николай» и в июле того же года выехал в Хакодате. Однако навигация уже закончилась, и о. Николаю пришлось остановиться на зиму в Николаевске-на-Амуре, поэтому миссионер прибыл в Японию только 2 июля 1861 года. Впоследствии он рассказывал архимандриту Сергию Страгородскому: «Когда я ехал туда, я много мечтал о своей Японии. Она рисовалась в моем воображении как невеста, поджидавшая моего прихода с букетом в руках. Вот пронесется весть о Христе и все обновится. Приехал, смотрю,— моя невеста спит самым прозаическим сном и даже и не думает обо мне».

Скоро Николай Касаткин убедился, что об открытой проповеди Евангелия не может еще идти и речи, так как на тот момент в Японии миссионерская деятельность по распространению христианства была строго запрещена, христиан арестовывали и казнили, а сами японцы не только боялись европейцев, но и открыто их ненавидели. Поэтому, по словам самого о. Николая, его основным правилом относительно миссионерской деятельности было «вначале завоевать любовь, а потом нести слово». Молодой миссионер стремился в первую очередь овладеть японским языком, так как без его знания миссионерская деятельность не представлялась возможной. В тот период времени не было ни словарей, ни учебников грамматики, а учителя языка было найти очень трудно, поэтому желающему изучить японский язык все приходилось делать самостоятельно: «Приехав в Японию, я, насколько хватило сил, стал изучать здешний язык. Много потрачено времени и труда, пока успел я присмотреться к этому варварскому языку, положительно труднейшему в свете, так как он состоит из двух: природного японского и китайского, перемешанных между собою, но отнюдь не смешанных в один. Не даром когда-то католические миссионеры писали, что японский язык изобретен самим дьяволом, с целью оградить Японию от христианских миссионеров... Видно, долго еще изучающим японский язык придется изучать его инстинктом, через чтение книг и механическое приучение себя к тем или другим оборотам разговорной и письменной речи».

В итоге о. Николай смог нанять нескольких учителей и, благодаря постоянному чтению японской литературы и общению с японцами, к 1868 году, за восемь лет изучения, успешно освоил японский язык и так называемый «камбун» — письменный вариант японизированного древнекитайского языка, на котором написана большая часть древней литературы Японии по истории, религии, философии. Такое глубокое изучение языка дало ему возможность беседовать с местными богословами и основательно познакомиться с догматами буддизма.

Однако необходимо отметить, что к буддийским священнослужителям, как и к простым японцам, русский миссионер относился с уважением и никогда не позволял себе оскорблять их религиозное чувство или же обвинять в каких-либо грехах, поэтому буддийское духовенство было настроено по отношению к нему благожелательно. То, с каким уважением относились к о. Николаю буддийские священнослужители наглядно иллюстрирует следующий эпизод: Николай Касаткин зашел в буддийский храм, чтобы послушать проповедников; храм был заполнен народом, сидевшим по-японски, поджав ноги. Бонзы стали усаживать своего гостя, но в храме не оказалось ни одного стула. Недолго думая, главный священнослужитель подвел иеромонаха Николая к жертвеннику, снял с него различные украшения и вежливо предложил посетителю сесть, к

великому удивлению, почти ужасу растерявшегося миссионера.

Первым учеником отца Николая, который принял православие, был самурай Такума Савабэ. Он приходил к сыну русского консула в Хакодате для преподавания фехтовального искусства. Обратившись в христианство, Савабэ через год привел к о. Николаю своих друзей — врача Сакаи Токурэй и врача Урано Дайдзо. Николай не спешил крестить своих первых учеников, боясь подвергать их опасности, так как закон, угрожавший смертной казнью за принятие христианства, еще не был отменен. Однако это не мешало им вести миссионерскую работу среди своего окружения, и к весне 1868 года до двадцати японцев готовы были принять православное крещение. В это время последовал правительственный указ, подтверждавший прежнее запрещение японцам принимать христианскую веру. Также стало известным, что в Нагасаки началось гонение на христиан-католиков. Чтобы сохранить свою немногочисленную паству, иеромонах Николай решил разослать на время новообращенных христиан в дальние области для продолжения миссионерской деятельности.

Видя, что православие начало распространяться быстрыми темпами, о. Николай в 1869 г. отправился в Россию ходатайствовать об открытии в Японии духовной миссии. Его ходатайство было удовлетворено. 6 апреля 1870 г. Синод открыл в Японии миссию в составе начальника, трех иеромонахов и причетника. Иеромонах Николай был назначен начальником миссии с возведением его в сан архимандрита. Были отпущены также средства на содержание миссии. Японская православная церковь росла, несмотря на то, что проповедь все еще оставалась тайной.

В 1872 г. к архимандриту Николаю прибыл помощник, иеромонах Анатолий, выпускник Киевской Духовной академии. Оставив его в Хакодате, отец Николай сам переехал в столицу Японии — Токио, где миссионеру все пришлось начинать заново: подыскивать помещение, преодолевать недоверие и вражду населения. В августе того же года о. Николаю удалось приобрести для миссии участок земли с несколькими зданиями в центре Токио на холме Суругадай. На этом месте в 1873 году, когда последовала отмена указов, запрещающих проповедь христианства, он приступил к возведению каменного строения, в котором должны были помещаться храм, школа на пятьдесят человек, квартиры для миссионеров и учителей.

Несмотря на то, что официально за исповедание христианства больше не преследовали, недоброжелателей было очень много, поэтому правительство Японии принимало меры по охране иностранных миссионеров: «три переодетых полицейских постоянно во дворе, не переодетые во всякое время видны у ограды. Нельзя мне выйти здесь же во дворе, чтобы полицейский или два не были в двух шагах. Спасибо, что охраняют, конечно, хотя делают это не нам в угоду, а в своем интересе».

В марте 1884 года в Токио, на холме Суругадай, состоялась закладка православного храма. Строительные работы продолжались семь лет, и 8 марта 1891 года состоялось торжественное освящение Воскресенского собора, однако все называли эту церковь «Никорай до», то есть храм Николая. В 1903 году в г. Киото, а в 1910 году в г. Осака возникли еще два православных храма. Внутреннее убранство этих церквей не соответствовало православным традициям: «вместо люстры висят простые японские фонари, пол покрыт простыми циновками, образов очень мало, дорогих украшений никаких. К числу оригинальных особенностей японских храмов надо отнести обычай сидеть на полу. Во время богослужения обыкновенно стоят, но старики и слабые садятся». Возможно, это связано отчасти с постоянной нуждой православной миссии, о которой не раз упоминает миссионер в своих дневниках: «Эх, нищенствующая Японская Церковь! В отчаяние она приводит меня всякий раз, как подумаешь о составе ее и о том, что Россией она только и живет!»

Также Н. Касаткин много работал над переводами Священного Писания и богослужебных книг. «В течение тридцати последних лет, минута в минуту, в шесть часов вечера входил в его келью его постоянный сотрудник по переводам — Накаи-сан, садился рядом с владыкой ... и начинал писать под диктовку епископа переводы. Работа продолжалась четыре часа. Откладывалась она только в дни вечерних богослужений и праздников. В это время двери кельи о. Николая были для всех закрыты, и входил туда только слуга, ... чтобы подать чаю. "Хотя бы небо разверзлось, — говорил владыка, — а я не имею права отменить занятий ..."»

С началом русско-японской войны все русское посольство покинуло Японию, за исключением о. Николая, принявшего решение продолжить миссионерскую деятельность, несмотря на военные действия. Вскоре на территории Японии стали появляться русские военнопленные, заботу о которых взяла на себя православная миссия.

В 1912 году (последний год служения архиепископа Николая) в Японии насчитывалось уже 33 тысячи православных христиан и 266 приходов. Было открыто и построено 175 временных церквей и 8 церквей стационарных, в клире состояло 40 священнослужителей-японцев.

3 февраля 1912 года о. Николай Касаткин скончался после тяжелой болезни. Он был похоронен на Токийском кладбище Янака. Похоронную процессию сопровождало большое количество людей, как христиан, так и не христиан. На похоронах присутствовал сам император Мэйдзи, который прислал на гроб русского миссионера большой венок из живых цветов, внутри которого были два иероглифа «Он-Си», что значит «Высочайший дар».

Имя Николая Касаткина, русского православного священника, знала и почитала вся Япония. Даже через пятьдесят восемь лет после кончины, во время его канонизации, когда православные японцы хотели перенести мощи святителя с кладбища в собор, им это не разрешили, сказав, что о. Николай принадлежит всему японскому народу, независимо от вероисповедания, и останки его должны остаться на народном кладбище.